

Гектор Шульц

Дурка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Гектор Шульц

Дурка

Серия «Красная обложка», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70447228

SelfPub; 2024

Аннотация

Провалив вступительные экзамены в университет, Иван становится перед выбором. Идти в армию или от армии косить. Но Иван решает выбрать другой путь – альтернативную службу, после чего попадает по распределению в областную психиатрическую больницу. В здании с грязно-желтыми стенами заперты люди с искалеченными судьбами и звери, которые не прочь поизмываться над ними. В таких условиях сложно остаться человеком. Но выбор сделан. Выбора больше нет.

Содержание

Глава первая. Другая дорога.	4
Глава вторая. Дурка.	33
Глава третья. Выезды.	66
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Гектор Шульц

Дурка

Глава первая. Другая дорога.

Обычно, я редко нервничаю, но пока шел от остановки к университету, успел вспотеть, выдуть три сигареты и чуть не врезался в ребенка на велосипеде, улетев в собственные мысли. Мысли были нерадостные, а виной всему вступительные экзамены. Историю и английский я чуть не завалил, сумев кое-как набрать минимум проходных баллов. С русским языком и литературой было попроще, но и тут нашлось место сложностям. Тема для сочинения попалась совершенно не та, которую я ожидал. Поэтому и нервничал, идя на негнущихся ногах к главному корпусу университета. Сегодня вывешат списки поступивших. Сегодня решится, можно ли мне будет выдохнуть или придется ломать голову, что теперь делать с армейкой. Служить или косить.

– Вань, привет! – окликнула меня Маринка. С Мариной мы учились в одном классе, и я удивился, когда узнал, что она тоже собралась поступать на журфак. Маринка могла выбрать любой вуз, её отец легко все оплатит, но почему-то решила пойти на журфак, хотя всегда тяготела к математике и физике.

– Привет, – кисло улыбнулся я и вытащил из кармана пачку «Явы». В горле уже першило, но куда деваться, если сердце бешено стучит от волнения. Марина поравнялась со мной и пошла рядом. Довольная, веселая, в новеньком голубом платье и голубых туфельках.

– Как настрой? – спросила она.

– Хреновый, – хмыкнул я. – Историю завалил, да и с английским беда. Если минимум наберу, то считай повезло.

– Выше нос, – рассмеялась Маринка. Я мрачно на неё посмотрел, но промолчал. Она не виновата в том, что я просрал шансы на поступление и у меня нет богатого отца. Однако Марина замолчала, когда увидела идущую навстречу нам высокую, бледную девушку в черном платье. – Подружка вон твоя...

– Привет, Лаки, – улыбнулся я и помахал ей рукой.

– За результатами? – тихо спросила она. Подойдя ближе, я чмокнул её в щечку и кивнул.

– Ага. Но шансов мало. Знакомься, кстати. Моя одноклассница. Марина.

– Ольга, – кивнула Лаки, посмотрев на Маринку сверху вниз. Та в ответ гордо задрала подбородок и с вызовом посмотрела на Лаки. Бледные губы Оли тронула легкая улыбка. – Очень приятно.

– Взаимно, – проворчала Маринка и, махнув мне рукой, добавила. – Ты идешь?

– Идет, идет, – ответила за меня Лаки и снова улыбнулась.

На этот раз мне. – Завтра «Silver Queen» концерт дают. На-
вестишь друзей?

– Если поступлю, – буркнул я и почесал шею.

– Ребята о тебе спрашивают, – укоризненно произнесла
она.

– Сама знаешь, что экзамены выматывают.

– Ладно. Не настаиваю. Но Энжи будет рада тебя видеть, –
лукаво добавила Лаки, заставив меня покраснеть. – А уж
Никки как.

– Кто это? – нахмурилась Маринка, услышав незнакомые
имена.

– Подруги наши, – лаконично ответила ей Оля. Она вздох-
нула и повернулась ко мне. – Удачи, Вань. Выше нос.

– Куда уж выше, – съязвил я и, помахав Лаки, повернулся
к Марине. – Ладно, погнали.

У дверей в главный корпус университета толпились воз-
бужденные абитуриенты. Слышались радостные крики, но
хватало и разочарованных. Мимо меня пробежала плачу-
щая Соня, еще одна моя одноклассница, за которой пыталась
успеть её мать. Марина, увидев это, нервно хихикнула. Но я
ей не поверил. Она точно поступит. А вот я... кто его знает.

Протиснувшись через толпу к доскам со списками посту-
пивших, я пропихнул Маринку вперед и напряг ноги, чтобы
нас не задавили. Народ позади напирал, кто-то ругался, во-
няло потом и сладкими духами, что ясности мыслям не при-

давало.

– Ура! – крикнула Маринка. – Поступила.

– Поздравляю, – проворчал я и вытянул шею, пытаюсь найти и свою фамилию.

Буквы неожиданно поплыли перед глазами, а гул толпы превратился в противный писк, пронзающий мозг и отдающийся болью в висках. Сердце сдавила холодная лапа и ноги предательски затряслись. Меня оттерли в сторону, но я не сопротивлялся. Вполне хватило времени, чтобы изучить списки. Моей фамилии в них не было.

– Ну, что? – нетерпеливо спросила Марина.

– Блин... – только и мог ответить я, хотя и отвечать не нужно было. Ответ был написан на моем лице.

– Вань, ты это, не переживай, – сделала попытку ободрить меня Маринка. Я кивнул и, спустившись по ступеням, сел на скамью, после чего вытащил сигареты. Маринка присела рядом и прикоснулась к моей руке. – Может еще найдется место.

– На журфаке? – скептически хмыкнул я. – Вряд ли кто-то заберет документы.

– А если в другой ВУЗ?

– Не хочу. Я мечтал о журфаке, – почесал я вспотевший лоб. Затем закурил и задумчиво посмотрел на здание университета. – Да и поздно теперь. Везде уже экзамены закончились, а на заочку денег нет.

– И что теперь? – куснув губу, спросила Маринка.

– Армия, – вздохнув, ответил я. – Через неделю днюха, как раз.

– А если... – я мотнул головой, перебив её.

– Косить не буду.

– Прости, – тихо ответила она. Я ободряюще ей улыбнулся и встал со скамьи.

– Все в порядке, Мариш. Выкручусь. Куда деваться.

Когда я вернулся домой, родители сразу все поняли. Отец сурово поджал губы и покачал головой, а мама опустилась на табуретку на кухне. Бросив пакет с документами в коридоре, я молча прошел на кухню и сел напротив родителей. Мама вдруг охнула и, вскочив, кинулась к плите, на которой стояла большая эмалированная кастрюля с борщом. Словно борщ мог исправить любую проблему. Наполнив тарелку, мама поставила её передо мной и грустно улыбнулась. Пусть есть мне не хотелось, но я смог затолкать в себя пару ложек. Дальше пошло веселее.

– Сам виноват, – пробубнил я с набитым ртом. – Надо было лучше готовиться.

– И что теперь, сынок?

– Что, что... – сварливо ответил отец. – Армия.

– Может взятку дадим? – спросила мама. – Тетя Люба поможет, у неё сын в военкомате работает.

– С чего ты взятку давать собралась? Там жопы шире

плеч, просят столько, что квартиру продай и то не хватит, – спросил отец. Он прошелся по кухне и вздохнул. – Отслужит и все. Дед служил, я служил и ничего. Не помер никто.

– Ага, – кивнул я. – Карась тоже так думал.

– А вот нечего Карася своего приплетать сюда, – гневно засопел отец. – Сейчас по-другому все. Да и ты себя в обиду не дашь. Вон бычком каким вымахал.

– Нет, пап. В армию я не хочу, – вздохнул я. – Но и косить не буду. Лёвка, сосед наш, на альтернативную пошел. В больнице работает. Говорит, что нормально все.

– Угу. Говны выносить... – отец не договорил и, махнув рукой, взял со стола пачку «Примы». – Ладно, Ванька. Твоя жизнь, ты и решай. Я лезть не буду.

– Спасибо, – кивнул я и улыбнулся. – Уже решил.

Но дня рождения я ждать не стал и на следующий же день отправился к соседу. Лёва Михельсон, живший над нами, помог составить заявление и предупредил, что возможны проблемы из-за того, что подавать заявление надо за полгода.

– Залупнуться могут, – сказал мне Лёва, когда я зашел вечером к нему за советом. Мы сидели на подоконнике в подъезде. Лёва потягивал пиво, а я курил, пуская дым по испанской руганью стене. – По сути, тебя отправляют работать на государственное предприятие. Знакомый мой денег занес, так его в библиотеку пристроили. Меня в областную боль-

ничку санитаром. Выбирать нельзя, Вань. Чо дали, то и будет. Могут тоже в больничку или в другой город отправить, а могут и при военкомате оставить. Как повезет. Главное ты в залупу не лезь и обойдется.

– Тебе-то как работается? – улыбнулся я, глядя на Лёвку.

– Нормально, – пожал он плечами. – Принеси-подай-убери. В ночных сменах спокойнее, покемарить можно или с другими санитарями спирта бахнуть. Но в целом жить можно. Деньги платят. Не ахти какие, но платят. Отпуск, выходные, все по распорядку. Главное с военкомом не закусывайся, когда говорить будешь. Кивай, поддакивай, говори, что по убеждениям служить не можешь. Он, конечно, попрессует, но так, для вида. Для них альтернативка тоже вещь новая. Не все привыкли, сам понимаешь.

– Да, похуй, – честно ответил я. – Косить не хочу, но и в армейку желания нет идти.

– Карась? – понимающе улыбнулся Лёва.

– Карась, – вздохнул я. Карась, наш сосед по площадке, из армии вернулся на инвалидной коляске. В Чечне ему ноги оторвало, еще и ум ослабило. Летом он частенько пускал слюни у лавочки с бабками, а ночью орал, пока его в дурку не забирали. Возвращался он всегда обдолбанным и тихим. До очередного приступа.

– В общем, неси заяву военкому, как можно скорее. Дави на то, что экзамены провалил и косить не собираешься. Так больше шансов, что в положение войдут и нормальное место

подберут.

– Посмотрим, – ответил я. – Спасибо, Лёв.

– Не за что. Мы ж свои, дворовые, – снова улыбнулся он и, посмотрев на часы, хмыкнул. – Ладно. Спать пора. Завтра смена. Найдемся, Вань.

– Найдемся, – кивнул я и, затушив окурок в банке со слюнями, пошел домой.

Но в военкомате, как Лёвка и предупреждал, все пошло не по плану. Заявление приняли, но мне пришлось крепко поскандалить, чтобы его подписали, после чего сообщили, что нужно предстать перед призывной комиссией через неделю. Утром в день своего рождения, вместо подарков и поздравлений, я выпил чай, слопал два бутерброда с колбасой и резиновым сыром, затем взял документы и отправился на остановку.

Районный военкомат находился на окраине Грязи – района, где я жил. Двухэтажное, серое здание, вгоняющее в уныние одним своим видом. Меня не смутила чистота двора, побеленные бордюры и аккуратно окопанные деревья. В военкомате сама аура была нездоровой и стоило переступить порог, как на голову начинала давить тревожность. Однако я собрался с мыслями, выбросил в урну окурок и резво поднялся по ступеням на второй этаж, где находился секретариат. Документы у меня приняли и велели ждать в коридоре вместе с другими бледными призывниками, пока не позовут.

Ждать пришлось недолго.

– Селиванов! – дверь открылась и в проеме показалась недовольная женщина с рыхлым, изъеденным оспинами лицом. – Заходи.

Я не ответил. Только кивнул и, опустив голову, вошел в кабинет, где меня уже ждала призывная комиссия.

– Проходи, – хрипло бросил военком – тучный мужчина в форме, сидящий по центру стола. Рядом с ним сидела белокурая женщина во врачебном халате, усатый милиционер с усталым взглядом, и уже знакомая мне рыхлая баба. Она долго не хотела принимать мое заявление, поэтому отсутствие радости на оплывшей роже было объяснимым. Военком изучил заявление, затем взял в руки характеристику из школы и недовольно хмыкнул. – Значит, служить не хочешь, Селиванов?

– Готов к альтернативной службе, – ответил я, заставив военкома нахмуриться. Он вновь взглянул в характеристику и покачал головой.

– Неконфликтный, вежливый... занимался самбо и дзюдо, участвовал в соревнованиях, защищал честь школы, – прочел он. – Чего с заявлением тянул?

– Пытался поступить в университет, – честно ответил я, смотря в немигающие, холодные глаза военкома. – Не поступил.

– И решил откосить? – протянула женщина в белом халате.

– Нет. Решил отдать долг Родине другим способом, – ехидно ответил я и тут же мысленно ругнулся, увидев, как покраснела рожа военкома. Лёвка предупреждал, что не стоит скандалить.

– Дерзить другим будешь, – рыкнул он хорошо поставленным голосом. – Отвечай на вопросы. Почему отказываешься от службы в армии?

– Не люблю насилие, – я вновь не стал врать, как и советовал Лёвка. – Предпочитаю мирное существование. А там... наслышан, в общем.

– Пацифист, – процедил милиционер, откинувшись на стуле. – Очередной.

– И ты готов говно выгребать вместо армии? – приподнял брови военком. – Отправить тебя могут куда угодно, Селиванов. Понимаешь? На стройку, на завод, санитаром в дом престарелых. А там хорошего мало.

– Я не против, – ответил я. – Поэтому и пришел. Я не хочу косить, не хочу обманывать, Василий Андреевич. Говорю честно и прошу об альтернативной службе.

– Жаль. Такой, как ты, мог бы успехов добиться в армии. Крепкий, здоровый... – буркнул военком и посмотрел на женщину в белом халате. Та еле заметно пожала плечами. – Ты не сможешь уволиться, уйти, когда тебе вздумается, будешь обязан отработать весь срок контракта, а он будет больше, чем срок службы. Понимаешь?

– Да, – кивнул я. – Разве в армии по-другому?

– Черт с тобой, – вздохнул военком и поставил размашистую подпись на заявление. – Получишь направление в службу занятости. После распределения занесешь документы в секретариат. Понял?

– Понял, – улыбнулся я, но военком моей радости не делил.

– Ты улыбки тут не дави, Селиванов, – с угрозой протянул он. – Еще не раз подумаешь, что лучше бы нормальную службу выбрал. Свободен. Следующего зовите!

Я не ответил. Только кивнул и, забрав документы, вышел из коридора. Осталось последнее – передать направление в службу занятости и узнать, где мне предстоит работать.

В районную службу занятости я пришел через неделю, так как нужный специалист был в отпуске. Как и все, взял талончик, но суровая старушка, отвечавшая за выдачу талончиков, узнав о цели моего визита, сразу же разрешила пройти в пятый кабинет. Предварительно постучав в дверь, я дождался разрешения и вошел внутрь. И сразу же столкнулся с тяжелым взглядом похожей на жирную лягушку женщины в черном платье. Она молча кивнула на стул и, когда я протянул ей направление от военкомата, буквально вырвала документы из моих рук.

– Садись, – проскрипела она. Затем бегло пробежалась глазами по направлению и злобно улыбнулась. – Иван Селиванов, значит. На альтернативную государственную службу.

– Так точно, – буркнул я и посмотрел на табличку, стоящую на столе. – Татьяна Романовна.

– Почему от службы в армии отказываешься?

– Там все написано, – ответил я, заставив женщину покраснеть. Она подалась вперед и прошипела.

– На вопрос отвечай!

– Не люблю насилие, – улыбнулся я.

– Как и все до тебя, – кивнула она и наклонила голову. – Значит, хочешь альтернативку?

– Да, хочу.

– Посмотрим, – Татьяна Романовна задумчиво пробежалась пальцами по клавиатуре и на её лбу пролегли глубокие морщины. – Так... оператор ПК в библиотеку. Не то...

– Почему же? Я не против, – обрадованно улыбнулся я, но в ответ получил очередное злобное сопение.

– Ага. Мечтай. Пока нормальные мужики служат, ты будешь в тепле чай гонять и книжки листать?

– У вас ко мне личная неприязнь? – нагло спросил я, когда до меня дошел смысл вопроса. – Почему вы себя так ведете?

– Имею право, – отрезала она, всматриваясь в монитор. В глазах женщины неожиданно блеснуло веселье. – А вот это интересно.

– Что именно?

– ПКБ №1. Самое то для тебя, – усмехнулась она. Я же в ответ нахмурился.

– Что такое «ПКБ»?

– Психиатрическая клиническая больница, – ответила женщина. Она снова улыбнулась, увидев, как вытянулось мое лицо, после чего вытащила направление из принтера и положила передо мной. – Им санитары нужны. Как раз по тебе работка. Вон какой лоб.

– А другое место нельзя?

– Нельзя.

– Почему? Вы же сказали, что требуется оператор ПК в библиотеку. Я с компьютерами на «ты», да и книги люблю, – возмутился я. Женщина в ответ нагло улыбнулась и подвинула ко мне направление.

– Санитар, Селиванов. Санитар. После оформления занесешь договор мне. Я поставлю печать и направлю в военкомат.

– Ладно, – вздохнул я, беря дрожащими пальцами направление, напечатанное на желтоватой, хрупкой бумаге. Затем встал со стула и, чуть подумав, спросил. – За что вы так со мной? Я же вам не сделал ничего плохого.

– Сын у меня служит, – тихо ответила она и в глазах заблестела боль. – На Кавказе. Ни слова не сказал, когда его туда направили. Служит. За таких бздунов, как ты.

– Это его выбор. Не мой.

– А это мой выбор, – жестко перебила она. – Договор занесешь, как оформят. Свободен.

Я сложил направление пополам и сунул его в нагрудный карман рубашки. Затем подошел к двери и потянул ручку на

себя. Однако задержался и, повернувшись, равнодушно посмотрел на злобную тварь, на лице которой сияло торжество.

– Сука вы, Татьяна Романовна, – скупно обронил я, гадко улыбнулся, когда уродливую рожу перекосило от злости, и вышел из кабинета под трехэтажный мат, перепугавший сидящих возле двери людей.

Вечером я рассказал родителям о произошедшем в центре занятости. Отец, которого подобным отношением удивить было сложно, только посмеялся, а вот маму прорвало. Она грозилась чуть ли не до мэра дойти, чтобы сотрудницу наказали за предвзятое отношение, однако я уже смирился с тем, что буду работать в психбольнице. Злости не было. Только равнодушие.

– Не кричи, Надь, – поморщился отец, когда мама снова принялась ругаться. – Чего тебя удивляет?

– Бляди, Лёша! Бляди в человеческом обличье, – фыркнула она, когда мы с отцом синхронно рассмеялись. – Смешно им. Это же дурка!

– И что, мам? – тихо спросил я, цепляя на вилку жареную картошку. – Работа, как работа.

– Говно за дураками убирать? Жопы им мыть? За копейки?!

– Лёвка тоже санитаром работает, – пожал я плечами.

– Но не в дурке же? – не сдавалась мама. Она всхлипнула и присела на стул. – Вань. Может, ну, денег дать этой Татьяне

Романовне? Вдруг передумает.

– Seriously? – удивился я. – Нет, мам. Ты бы видела, как она скалилась радостно... Унижаться перед ней никто не будет.

– Правильно Ванька говорит, – ворчливо ответил отец, хлопав меня по плечу. – Не так все страшно. Выдюжит.

Я бы никогда не признался им, но мне было страшно. Однажды в школе нам показывали документальный фильм о психушке и её обитателях. Среди жутких грязных стен бесплотными тенями ходили люди. Вернее, то, что от них осталось... В их стеклянных глазах не отражалось совсем ничего, а с губ срывалось причудливое бормотание, которое изредка сменялось на визг. Тогда увиденное оставило неизгладимое впечатление, однако теперь мне предстояло самолично в этом убедиться. Все это развивалось так стремительно, что я мог лишь растерянно наблюдать за происходящим. Наблюдать и гадать, что меня ждет.

Утром я быстро позавтракал, сложил документы в рюкзак и, попрощавшись с родителями, помчался на остановку. До больницы ехать полчаса, поэтому надо было успеть до часа пик, чтобы не толкаться в переполненном трамвае.

Психиатрическая клиническая больница номер один находилась в знаковом районе нашего города. На Окурке, недалеко от Блевотни – частного сектора, в котором проживали в основном различные маргиналы, частенько попадавшие не только в милицейские участки, но и в саму больницу. Как и у всех знаковых мест города, больница имела и альтернативное название. Кишка.

Это был комплекс из длинных трех и четырехэтажных зданий, где нашлось место и дому престарелых, и районной

поликлинике, и детскому дому, и самой психбольнице, стоящей поодаль от основных зданий и огороженной забором с колючей проволокой. Комплекс располагался вдали от жилых домов и рядом с мутной речкой, где любила купаться де-творца Блевотни. К больнице вела раздолбанная дорога, превращавшаяся в жирное месиво в период дождей, а с наступлением темноты этот путь освещался лишь пятью фонарями, которые с трудом справлялись с темнотой.

Выйдя из трамвая, я сразу увидел вдалеке желтые здания больничного комплекса, к которым и направился вместе с редкими пассажирами, сошедшими на той же остановке, что и я. Все они, и мужчины, и женщины, были хмурыми и медленно брели вперед по разбитой дороге, огибая редкие лужи и участки с подсохшей грязью. Никто не разговаривал, никто не смеялся. Люди шли вперед с тупой покорностью, витая в одних им понятным мыслях и отходя в сторону, если позади слышался гудок машин.

Я прибавил громкость плеера и, когда в ушах зазвучали первые аккорды «Angels of Distress» моих любимцев Shape of Despair, прибавил шаг. Сначала надо найти отдел кадров и занести им направление из центра занятости. А там глядишь и провожатого дадут, чтобы самому не блуждать по Кишке.

– Господи, сынок, – простонала дородная тетка в белом халате, смотря на направление. Я робко улыбнулся и пожал плечами, понимая её удивление. – Тебя сюда как занесло?

– Как и всех, наверное, – хмыкнул я, осматривая кабинет отдела кадров. Здесь пахло пылью, книгами и кофе. Стены отделаны деревянными панелями, где-то висят репродукции картин, а на подоконниках предостаточно пыльных растений в горшках.

– От военкомата, говоришь? – спросила она. Я кивнул. – Так, ну смотри. Отказывать я тебе не буду. Желающих, сам понимаешь, немного, да и заявка наша давно уже висит. Договор заключаем стандартный, на два с половиной года.

– Мне копию нужно в центр занятости занести, – вспомнил я.

– Не нужно. Сами отправим. Так, что еще... – задумалась тетка. – График тоже стандартный. Сутки работаешь, трое отдыхаешь. Работать придется в остром отделении. Рук не хватает. Но ты крепенький, поэтому тебя сюда и отправили, наверное.

– «Или потому, что отправившая была сукой», – подумал я.

– Сейчас заведующей позвоню, за тобой придут, – продолжила она и положила передо мной договор. Затем сняла с телефона трубку и набрала чей-то номер. – Ознакомься и подпиши. Оформлю завтрашним днем. Сегодня осмотришься, познакомишься, хэбэшку получишь... Арина Андреевна? Да, Кондакова на проводе. Санитар тут к вам, как просили. Что? Нет, мальчишка молоденький. После школы. Говорит, что от военкомата на альтернативную службу. Ага. Да.

Жду.

– Готово, – вздохнул я и протянул ей подписанные бумаги. Тетка шарахнула по ним печатью, после чего убрала в ящик стола.

Ждать пришлось недолго. Примерно через пятнадцать минут дверь открылась и в кабинет вошел здоровый амбал, одетый в белую свободную рубашку без пуговиц и белые штаны. Он, прищурившись, осмотрел меня, затем улыбнулся тетке и опустился на соседний стул.

– Ты, что ли, санитар? – пробасил он с акцентом и, усмехнувшись, без стеснения меня осмотрел. – Хиловат, Аня.

– А то я не знаю, – фыркнула тетка. – После школы мальчонка. Военкомат сюда послал работать.

– А! – просиял здоровяк. – Альтернативка?

– Ага, – кивнул я и протянул руку. – Ваня.

– Георгий, – представился тот и сдвинул мою ладонь в своей так, что аж кости захрустели. – Пошли, Ваню. Покажу, что и как, а потом к Арине зайдём, познакомимся.

– Пошли, – тихо ответил я и, поднявшись со стула, отправился за Георгием.

– Борьба? – спросил он, как только мы покинули кабинет и направились к лестнице.

– Что?

– Чем занимался? Борьбой? – повторил он вопрос и рассмеялся. – Не бзди, Ваню. Я сам так-то вольник. А ты?

– Дзюдо. И самбо немного, – ответил я. – Как вы узнали?

– Э! Давай на «ты», а? Все ж вместе работать будем. А узнал просто. Брат у меня тоже дзюдо занимается. Служит сейчас. А ты чего служить не пошел? Боишься

– Нет. Не люблю насилие... – Георгий поперхнулся и заржал так, что стекла в окнах зазвенели.

– Эх, Ваню. Не то ты место выбрал, – усмехнулся он. Мы вышли на улицу и направились по заросшей травой дорожке в сторону четырехэтажного здания, огороженного забором. И чем ближе я к нему подходил, тем более зловеще выглядела психбольница. Георгий же, не обращая внимания, весело тараторил, рассказывая о территории, по которой мы шли, пока не дошел до железных ворот. – Вот, Ваню. Наша Кишка.

– Красиво, – кисло заметил я, осматривая грязно-желтое здание, аккуратный дворик перед главным входом и курящих у лестницы людей в белых халатах. Георгий дождался, когда охранник откроет ворота, и пропустил меня вперед.

– Красиво, говоришь? – улыбнулся он и, подойдя к курящим, неожиданно влепил одному из них, плотному здоровяку с короткой стрижкой, крепкий подзатыльник. Остальные курящие сразу же расхохотались, когда здоровяк зарычал и, сжав кулаки, кинулся на Георгия. Тот миролюбиво поднял руки и ласково заговорил. – Тише, Степа, тише. Чего дерешься?

– Совсем ёбу дал, Гелашвили? – проворчал тот. Он посмотрел на меня сверху вниз и поиграл желваками. – Это

кто?

– Новенький, – снова улыбнулся грузин. Я протянул руку, и здоровяк её пожал. В отличие от рукопожатия Георгия, ладошка Степы была влажной и мягкой.

– Ваня.

– Степан, – кивнул он. Мне он напомнил большого ребенка. Лицо широкое, открытое, а глаза мечтательные и добрые. – Тебя в острое отрядили?

– Да.

– Ну, быстрее вольешься, пацан, – усмехнулся он, доставая пачку сигарет. Правда улыбка сошла на нет, когда Степан увидел, что Георгий обходит его со спины. – Жора! Свали уже отсюда! Заебал своей борьбой.

– Злой ты. Как медведь с глиной в жопе, – вздохнул Георгий и махнул мне рукой. – Пошли, Ваню.

Я улыбнулся Степе и пошел за грузином, который, как ни в чем не бывало, продолжил свою экскурсию.

Внутри больница представляла собой печальное зрелище. От странного запаха заболела голова и меня замутило. Воняло здесь куда хуже школьного туалета и казалось, что запах намертво въелся в облупившиеся стены, покрытые болотно-зеленой краской, и в нехитрую мебель. Вонь была такой сильной, что я закашлялся, заставив Георгия рассмеяться. Он терпеливо дождался, когда я закончу кашлять и, снова махнув рукой, позвал за собой.

– Что, Ваню? Воняет? – хитро улыбнувшись, спросил грузин, поднимаясь по лестнице.

– Воняет, – согласился я.

– Нет. Это еще не воняет, – ответил он. – Значит, смотри. На первом у нас приемный покой и в другом крыле дневной стационар. На втором поликлиническое. На третьем санаторное и паллиативное. А на четвертом, как уже понял, острое и экспертное. Но в экспертном сейчас только уклонисты. Думают, что самые умные... Но все всё понимают.

– А работаете сутки через трое? – спросил я. Георгий кивнул.

– Чаще всего. Иногда сутки через двое, когда нужда приспичит.

– А что делать надо?

– А что скажут, Ваню, – гоготнул Георгий. – Но ты не бзди. Все покажем и расскажем.

– Надеюсь, – вздохнул я. Голова с непривычки шла кругом. Грузин открыл причудливым ключом тяжелую дверь и, пропустив меня, тут же её запер. А я, приоткрыв рот, смотрел вперед. Там, за еще одной дверью располагалось отделение, в котором мне предстояло работать два с половиной года. Однако Георгий потянул меня за руку и втолкнул в неприметную дверку с табличкой «Заведующий отделением» на ней.

Внутри кабинет был завален папками, стопками бумаг и книгами, а в центре, за столом рядом с окном, сидела внуша-

ющая уважение женщина в белом халате. Лицо широкое, обрамленное грубыми складками. Руки крепкие, мозолистые, как у деревенского мужика. Она мрачно посмотрела на нас, поджала губы и покачала головой.

– Лишь бы не работать, Гелашвили. Где тебя носит?

– Арин Андреевна, зачем обижаете? За новеньким вот ходил, – надулся Георгий, но женщину его обида не тронула. Она перевела взгляд колючих, черных глаз на меня и подалась вперед.

– Иван Селиванов, значит?

– Да, – кивнул я.

– Меня зовут Безуглова Арина Андреевна. Заведующая отделением.

– Очень приятно.

– Это пока, – съязвила она. – В курс дела тебя введет Жора и Вика Милованова, старшая медсестра. Правила просты и повторять их я не буду. Уволиться так просто ты не сможешь. Сам согласился на это, значит, хоть усьись, но работу делай. А теперь запоминай. К больным спиной не поворачиваться. К буйнымходишь только с другим санитаром. Всегда будь собранным и внимательным. Выполняй то, что тебе сказали. И главное, Селиванов. Никому не верь и не показывай слабинку. Понял?

– Да, Арина Андреевна.

– Надеюсь. Жора, – она посмотрела на грузина, – пусть первую неделю-две один не ходит. Или с тобой или со Сте-

пой. Ну и с остальными познакомь, пусть обживается. Свободны.

– Пошли, Вано, – поторопил меня Георгий и буквально вытолкал из кабинета. Я с трудом сдержал улыбку. Грузин определенно боялся заведующей. Да так сильно, что даже этого не скрывал.

– Суровая женщина, – честно признался я, пока Георгий возился с ключами.

– У суровых женщин пизда между ног, – понизив голос, ответил грузин. – А у нее хуй, Вано. Пошли, отделение наше покажу.

– А ты всегда здесь или... ох, блядь, – поморщился я, когда Георгий открыл дверь, ведущую в отделение. В нос уда-

рил резкий запах мочи, говна и пота, а вместе с ними на уши обрушился монотонный гул, прерываемый вскриками или безумным смехом.

– Добро пожаловать, – усмехнулся Георгий, правда улыбку, как ветром сдуло, когда к нам приблизился странный мужчина. Он оскалился, заставив меня попятиться, и зашипел. Зубов у мужчины почти не было. Остались только желтые резцы, что придавало его оскалу эффектности. Однако грузина это не смутило. Он нахмурился и вlepил шипящему затрещину, после чего рявкнул. – А, ну, пшел нахуй! Шэни дэда мовткан (твою маму ебал).

– Чего это он шипит? – настороженно спросил я, когда мужчина убежал вперед по коридору и скрылся в одной из палат.

– Вампир он, – ответил Георгий и, вздохнув, добавил. – Гамоклевебули (охуевший).

– Вампир?

– Ага. Так, смотри. Там, – грузин указал толстым пальцем вдаль, куда сбежал шипящий, – наблюдательные палаты. Где особо буйные и новенькие сидят. С ними всегда двое санитаров и сестричка. За дверью в конце коридора экспертное отделение.

– А ближе к выходу те, кто почти готов к выписке? – уточнил я. Георгий расплылся в улыбке и похлопал меня ладонью по спине.

– Молодец, Вано. Быстро схватываешь. С народом позна-

комишься. Тут, как ебанашки есть, так и смиренные, – Георгий снова замолчал, когда из третьей палаты выплыл худенький парнишка с блаженной улыбкой. Я сразу отметил, что волосы на его голове растут странно. В одном месте зияла солидная проплешина, словно пареньку на голову капнули кислотой. Он подошел ближе к грузину и, сморщившись, громко перданул, заставив меня улыбнуться. Ему Георгий тоже отвесил оплеуху. Голова паренька дернулась и он, рассмеявшись, показал мне язык. Грузин в ответ показал ему кулак. – Иди, дорогой, иди. Не доводи до греха.

– Да, уж, – вздохнул я.

– Привыкнешь, Вано, – пожал плечами Георгий, задумчиво смотря вслед пареньку, который выдал еще один рокошующий залп. – Это Ветерок. Он спокойный. Пердит только, как сука.

– Ветерок? Хм, понятно.

– Ага, – кивнул грузин, идя со мной по коридору. Иногда он останавливался и заглядывал в одну из палат, изредка кого-нибудь одергивал, после чего шел дальше. – Ветерок у нас стихи читает. Такие, что ажно душу выворачивает.

– Да тут книгу написать можно, – буркнул я, заставив Георгия рассмеяться. – Столько персонажей.

– Пиши, дорогой. Иногда тут делать нехуй, так чего б и не писать, если хочется. А порой присесть некогда, – вздохнул он и, остановившись, развернул меня в сторону дверного проема, за которым обнаружились четыре ржавых чаши

Генуя вместо привычных унитазов. — Туалет. Моем мы, но можно и коней привлекать. За сигарету они его языком своим вылизут.

— Вижу, — кивнул я, смотря, как тощий старичок, стоя на коленях, натирает пол мокрой тряпкой. Его не смутил даже срущий рядом с ним толстяк, чья рожа покраснелась так сильно, что я невольно испугался, а не лопнет ли он. Туалет был затянут сигаретным дымом и в нем, не обращая ни на кого внимания, курили около семи человек. И лишь мощная вытяжка, гудящая в углу окна, не давала дыму расползтись по коридору отделения.

— Жора, — к нам подошла некрасивая, измученная женщина в белом халате и прикоснулась к плечу Георгия. — Иванов опять в кровать насрал. Твой черед убирать.

— Пидорас проклятый, — ругнулся Георгий, закатывая рукава. Он прочистил горло и рявкнул так, что у меня уши заложило. — Рома! Если я тебя найду, я из тебя все потраченные часы жизни выебу, мамой клянусь.

— Новенький? — тихо спросила женщина, смотря на меня. Когда я кивнул, она улыбнулась и протянула сухую ладошку. — Галя.

— Ваня. Вы врач?

— Санитарка, — мотнула она головой, провожая взглядом Георгия. — И давай на «ты».

— Да, давай. Георгий мне сказал, что нужно одежду получить.

– Пошли, провожу. Заодно воздухом подышу. От этой вони уже голова кружится, – вздохнула Галя. – Жора, я новенького с собой забрала.

– Рома, чтоб мой хуй был в твоей семье ложкой, лучше вылезай! – не обратил на неё внимания Георгий. Галя покачала головой и легонько пихнула меня кулачком в плечо.

– Пошли. Жора не успокоится, пока не найдет его.

– Это я уже понял, – кивнул я и, поправив за спиной рюкзак, отправился за Галей. Однако, мгновением спустя, в спину что-то шлепнулось, а в воздухе разлилась едкая вонь. Развернувшись, я увидел стоящего в отдалении безобразного мужика с всклокоченными черными волосами, а у моих ног темнела свежая куча говна. Галю это не удивило. Она с ловкостью фокусника вытащила из кармана влажную тряпку и протянула мне. Из глубин палаты послышался рык Георгия, который повалил мужика на пол, придавил его коленом и саданул кулаком по затылку. Однако больной не заорал. Лишь безумно рассмеялся и покрыл санитаря такой руганью, что у меня уши плесенью покрыли. Грузин в ответ заломил тому руки, заставив мужика взвыть от боли. – Галь, а разве с больными так можно?

– У тебя рюкзак в говне, – меланхолично буркнула Галя, смотря, как грузин вдавливают больного в пол. Мой вопрос она проигнорировала. – Но лучше сразу с Ромкой познакомиться. Теперь будешь внимательнее. Пойдем.

Я не ответил. Молча вернул ей тряпку и поплелся следом.

Получив форму и расписавшись за нее у кастелянши, я вышел на крыльцо больницы, достал сигареты и закурил. На душе было погано и настроение портил не только тот факт, что в меня запустили говном, но и то, что мне предстояло отработать здесь два с лишним года. Может отец был прав и стоило пойти в армию?

Однако я отмахнулся от этих мыслей, улыбнулся стоящей рядом Гале, которая курила «Приму» без фильтра и задумчиво смотрела на внутренний двор больницы. В её мутно-голубых глазах не было ничего. Ни боли, ни разочарования, ни радости. Только серая тоска. Такая же серая, как и вонючий дым, растворяющийся в прохладном воздухе.

– Увидимся, – обронила она и, похлопав меня по плечу, скрылась в здании больницы.

– Увидимся, – тихо ответил я в пустоту. Затем выбросил окурочек в урну, включил плеер и медленно пошел в сторону остановки.

Глава вторая. Дурка.

В одном Георгий оказался прав. Вернувшись домой, я первым делом полез в ящик стола и нашел чистую тетрадь на девяносто шесть листов. На темно-синюю обложку была наклеена наклейка и на ней я коротко написал одно слово. «Дурка». После этого я покрыл несколько страниц мелким, убористым почерком, описывая первые впечатления о больнице и людях, которые мне встретились. Если собрался быть журналистом, так почему бы не начать практиковаться? Тем более внутри горела уверенность, что одной тетрадкой обойтись не получится. Слишком уж яркий народ обитал в грязно-желтом здании с облупившимися стенами. Но я твердо решил писать одну лишь правду, какой бы страшной она ни была.

Будильник наполнил комнату хрустящим звоном ровно в шесть утра. Зевнув, я выбрался из-под одеяла, взял сигарету из пачки на столе и отправился в туалет. Затем пришел черед завтрака. Овсянка с бананом, два бутерброда с вареной колбасой, все тем же резиновым, безвкусным сыром, да стакан крепкого чая с чабрецом. Я понимал, что очень скоро все это буду делать на автомате и мне даже не понадобится будильник, чтобы встать в шесть утра.

Сложив в рюкзак форму, которую мама заботливо подшила вечером, я бросил внутрь две пачки сигарет и зеленое яб-

локо. Георгий сказал, что кормить будут на работе, поэтому в еде нужды не было. Батарейки в плеере поменяны, в наушниках Skepticism, проездной наготове. Вдохнув, я закинул рюкзак за спину и осторожно прикрыл дверь, стараясь не разбудить родителей.

В трамвае народу еще немного. Зевает контролер и ленивым взглядом обводит дремлющих пассажиров. Горбатый, длинноволосый парень задумчиво трясет головой, видимо тоже слушает музыку. На его торбе, которая лежит на коленях, принт с обложкой Decapitated. Рядом с ним сморщенная старушка. Она смотрит на него, поджав губы, а в глазах осуждение. Но парень не обращает на неё внимания. Он растворился в музыке, как остальные пассажиры растворились в своих мыслях.

Больница, похожая на старого, израненного зверя, встретила меня мокрым асфальтом, который блестел от прошедшего полчасика назад дождика, и окнами, в которых горел желтый свет. Но свет не теплый и уютный, а болезненный и тусклый. Словно зверь вот-вот сдохнет, но продолжает отчаянно хвататься за жизнь. На ступенях крыльца курят санитары из других отделений. Не слышно разговоров, их лица сосредоточенные и опухшие. У урны зевает Степа, а Георгий о чем-то негромко разговаривает с Галей. Они улыбаются, когда я подхожу ближе. Но улыбки дежурные и отстраненные. Только в голосе грузина есть крупица бодрости.

– Здравствуй, Ваню.

– Привет, – вздохнул я и, достав пачку сигарет, присоединился к курящим.

– Как настрой? – спросил Степа. Он снова зевнул, колко усмехнулся и повернулся к Георгию. – Ну, теперь в привычный график войдем.

– Ага, – мрачно ответила ему Галя. – Пока Бегемоту не скажут, что в других отделениях народа не хватает.

– Не порти утро, Галя, – проворчал Георгий. – Оно и так, как мацони, кислое, а тут ты еще.

– А Бегемот – это кто? – осторожно поинтересовался я. Георгий, переглянувшись со Степой, прыснул в кулак. Даже Галя сподобилась на улыбку.

– Арина Андреевна, – ответил Степа. – Тетка моя. Раньше с зэками работала, теперь тут. Зэки и дали ей погремуху.

– Ага. Он её так и прозвал, когда сюда работать пришел. Ну и прижилось, – добавил Георгий. – Короче, смотри, Ваню. Иногда нас в другие отделения кидать могут. Ну, помощь там или еще чего. Но не бзди. Кони там спокойные, воду не мутят.

– Кони? – растерянно спросил я.

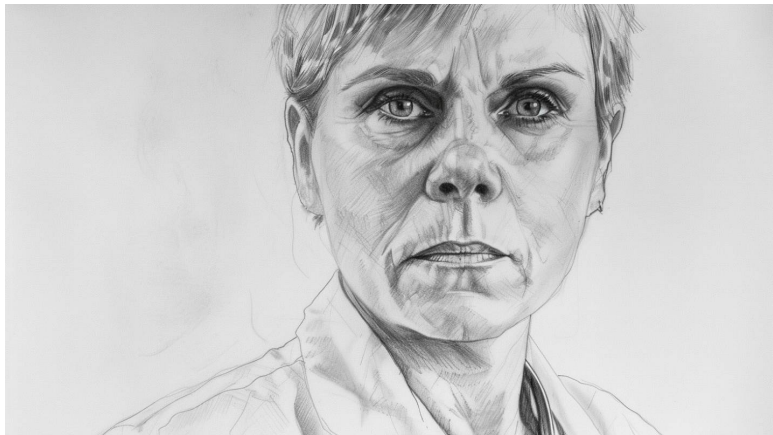
– Больные, – пояснил грузин. – Самые дурные у нас. А там попроще. Не бзди, Ваню. Вязать научим. Пока смотри и запоминай. Эту неделю со мной будешь ходить, а следующую со Степой.

– Ладно, погнали, – вздохнул Степа, посмотрев на часы. –

Переоденемся, на летучку и за работу.

Переодеваться пришлось в тесной комнатухе в подвале, где стояли металлические шкафчики на замках. Георгий выдал мне ключ от одного из них, после чего отправился переодеваться. В комнатке воняло потом, сигаретами и канализацией, но это никого не смущало. Быстро переоделся и вперед. На работу.

Насчет летучки объяснений не требовалось. Там же я познакомился со старшей медсестрой. Миловановой Викторией Антоновной, которую Георгий и остальные ласково именovali Кумушкой. Но только за спиной. Сказать ей это в глаза мало кто решился бы. Милованова была женщиной колючей, под стать заведующей отделением. Лицо круглое, волосы короткие и жесткие на вид, шея, как и руки, жилистая. Ну а перед взглядом старшей медсестры пасовал даже Георгий.

– Как ночь? – коротко спросила она. Голос хриплый, усталый и прокуренный. В пепельнице на столе гора окурков, в металлической кружке остывший кофе, а на стене прошлогодний календарь с щенком лабрадора на фото.

– Без происшествий, Виктория Антоновна, – ответила ей худенькая девушка с печальными, серыми глазами. Я не сдержал улыбку, увидев, как на неё смотрит Георгий и остальные санитары. Однако улыбку пришлось спрятать, когда Милованова исподлобья посмотрела на меня.

– Новенький?

– Да. Иван Селиванов, – ответил я. Медсестра кивнула и повернулась к Георгию.

– На тебе?

– Ага, – зевнул тот. Женщину его ответ устроил. Она за-

дала еще несколько вопросов, покрыла хуями незнакомого мне санитаря, забывшего развязать буйного больного, и, раздав указания, вернулась за стол. Георгий подтолкнул меня в спину и тихо добавил. – Пошли, Ваню. Первый день, он сложный самый.

И Георгий снова не соврал. Я вздрагивал от каждого шороха за спиной и буквально прилип к грузину, что его, без сомнений, веселило. За первые два часа я вымотал себе нервы настолько, что буквально валился с ног. Георгий, заметив это, покачал головой и утащил меня с собой в туалет.

– Не бзди, Ваню. Не все так страшно, – пробасил он, выпуская к потолку дым. На самом деле в туалете можно было не курить. Достаточно просто подышать пару минут, как гарантированно получишь хорошую дозу никотина, а то и с избытком.

– А твой первый день? Каким он был?

– Тоже бздел, – вздохнул Георгий. – И Степа бздел. И Галля. Да, все, Ваню. Был у нас тут новенький, задолго до тебя. Валера. Так ему в первый день Мухомор расческу в спину вогнал. Хуй знает, откуда он её взял, но кипиш знатный был. Кума орала так, что мозги вместе с грязью из ушей чуть не вылетели. Короче, слился Валера. Теперь с новенькими кто-нибудь из старичков ходит, пока не обвыкнутся.

– А Мухомор этот? Он тут?

– Не, – отмахнулся грузин, жадно затягиваясь сигаретой.

Он нахмурился, увидев входящего в туалет Вампира, и показал ему кулак. – Пошипи мне тут, блядина. Так вот... Мухомор забавный был. На него ебанца нападала, он башкой в стену долбил и кричал, что Ван Гог – пидорас и нашептывает ему всякое-разное. А потом его Фунтик задушил.

– Чего сделал? – побледнев, переспросил я. Георгий рассмеялся и мотнул головой.

– Ну, как задушил. Был тут у нас один. Фунтик. Санитар один проебался, не заметил. А Фунтик на спящего Мухомора ночью сел за то, что тот пайку его тиснул. Жопой на лицо и сел. А жопа у Фунтика, Ваню... Как у тетки моей, если не больше. Короче, когда нашли их, Мухомор уже синий был, а Фунтик сидит на нем и смеется. Ну и тоже кипись, ор, комиссия... В общем, мы как работаем. Если захочешь отдохнуть там или покурить, то убедись, что в коридоре есть кто-то. Предупреди по-человечески, что отдохнуть надо. Еще в палате с особо буйными и свежими дежуришь. По очереди. Там всегда сестричка и два санитары. Контингент, Ваню, там не особо покладистый. Покажу потом. Сегодня Степы смена... – Георгий замолчал, когда в туалет вошла Галя.

– Подменишь? Покурю и чай попью, – спросила она. Грузин кивнул и подмигнул мне.

– Погнали. Вот, о чем говорил, – ответил он и, вздохнув, протянул окурок старику, смотрящему на Георгия со смесью обожания и жадности. Я решил потом уточнить, зачем он оторвал фильтр, и сосредоточился на других вопросах. – На.

– А распорядок дня какой? – спросил я.

– У кабинета Кумы висит, – отмахнулся грузин. – Почитай потом.

– А если коротко? – улыбнулся я. Георгий лукаво на меня посмотрел и прищурился.

– Ладно, Ваню. Первый день все-таки, понимаю. Подъем в шесть утра, потом сестричка температуру меряет. Потом туалет и сбор анализов. В восемь – гимнастика. После неё летучка у Кумы. В девять завтрак, в десять лекарства им дают. Потом обход с врачом. В час дня обед. У нас он плавающий, но сам понимаешь.

– Понимаю.

– После обеда лекарства и отдых. Но не для нас, – улыбнулся Георгий, заглядывая в палату, где лежали наиболее здоровые. – Митя, палец поломаешь. Вынь из носа. Или я тебе его сломаю... После отдыха полдник и часть больных идет на прогулку. После прогулки лекарства даем снова, ужин и вечерний кефир.

– Кефир? – удивился я.

– Ага. Два с половиной процента жирности. Ну и на остаток – вечерний туалет и спать.

– Но не нам, – добавил я.

– Не нам. Мы дежури́м всю ночь, Ваню. Утром сдаем смену после гимнастики и идем отсыпаться. Все просто. Привыкнешь. Иногда нас врач по принудилровке может дернуть. Если больной на воле шизу поймал. Тогда едем с ним и вя-

жем... О, а вот и Мякиш. Врач наш, – хмыкнул Георгий, указав пальцем на идущего по коридору мужичка в белом халате. – Сейчас обход. Здравствуй, Илья Степаныч.

– Доброе утро, Жора, – улыбнулся ему мужичок и, прищурившись, посмотрел на меня. – Ты новенький?

– Иван.

– Крячко. Илья Степанович, – кивнул он и протянул мне влажную, расслабленную ладонь. Затем повернулся к Георгию и спросил. – Забрать с собой?

– Да. Пусть втягивается, – потянулся грузин и колко усмехнулся. – Заодно с больными познакомится.

– Пойдем, Вань, – поманил меня за собой Мякиш. Я хмыкнул и пошел за ним следом, гадая, почему же этого мужичка зовут Мякиш.

Обход занял два с половиной часа. Скучных и еле тянувшихся. Но благодаря ему я смог познакомиться с некоторыми больными и сразу понял, что им найдется место на пустых страницах тетрадки, когда я вернусь домой. Георгий называл их конями, дураками и шизиками, но я пока видел людей. Изможденных, запертых в клетках собственных кошмаров, несчастных и не осознающих того, что с ними происходит.

Мякиш проводил обход не один. За ним безмолвной тенью следовала худенькая девушка, которую я видел на летучке. Она всегда держалась позади врача и что-то быстро записывала в блокнот, который держала в руках. Мы несколько

раз пересеклись взглядами, но девушка смущенно покраснела и возвращалась к своей писанине.

– Как самочувствие, больной? – спросил Мякиш у тощего, косоглазого мужика. Тот приоткрыл рот, негромко рыгнул и рассмеялся.

– У меня в трусах умерла юная волжская вобла, – шепотом ответил он. К чести Мякиша он даже не изменился в лице, а я прикрыл ладонью улыбку. Девушка тоже улыбнулась, но быстро вернула на лицо привычную сосредоточенную маску. – Она липкая, влажная и соленая.

– Угу, – пробурчал врач, делая пометку в тетради. – Вчера была щука.

– Щуку съели голодные дети Поволжья. Они страдали, но насытились, – улыбнулся больной. Мякиш похлопал его по колену, встал и перешел к другой кровати.

– Здравствуй, Станислав, – мягко поздоровался он с высоким парнем. Тот пространно улыбнулся в ответ. – Как самочувствие?

– Хорошо, – ответил парень. Я задумчиво на него посмотрел. Левая половина лица обожжена, как и предплечья с ладонями. Но шрамы старые. Рука парня неожиданно дернулась, заставив меня вздрогнуть. Я нахмурился и подошел ближе, но Мякиш предусмотрительно кашлянул и успокоил меня.

– Все хорошо, Ваня. Это тик, – сказал он и повернулся к больному. – Ты слышишь крики, Станислав?

– Нет, – вздохнул тот и, поджав губы, добавил. – Иногда. Но тихо.

– Это хорошо. Хорошо, – Мякиш поднялся и перешел к следующей кровати. Я на миг задержался, смотря на обожжённого парня, пока меня не тронула за руку медсестра.

– Надо всегда быть рядом с Ильей Степановичем, – тихо произнесла она и снова покраснела.

– Простите. Задумался, – хмыкнул я. – Кстати, не представлялся. Ваня.

– Я знаю. Свердлова. Раиса. Пойдемте, – пробубнила девушка и тенью скользнула за спину Мякиша...

После обхода я нашел Георгия и отпросился на перекур. Вот только покурить решил на улице, потому что от вони и жутких болотно-зеленых стен болела голова. Грузин понимающе улыбнулся, о чем-то переговорил с Галей и отправился на улицу со мной. Я не был против, потому что вопросов накопилось много.

– Зеленый ты какой-то, Ваню, – зевнул он и, закулив, выпустил дым к небу. – Как крыжовник.

– Не привык к вони, да и само отделение тоску нагоняет, – честно признался я. – Слушай, а та девушка, что с Ильей Степановичем ходила, это кто?

– Рая Свердлова, – ответил Георгий. – Год уже тут работает. После медучилища решила сюда пойти. Она это... идейная.

– Идейная?

– Ага. Ну, больным помочь хочет. Считает, что это её призвание, хуё-муё, – фыркнул грузин. – Хорошая девушка, но недотрога. Степа её за жопу как-то раз ущипнул, так она в обморок упала, прикинь?

– Просто так от подобного в обморок не падают.

– Это да, – согласился Георгий и понизил голос до шепота. – Случай там с ней был. Полгода назад. Неприятный. Больной один на параше зажал. Хуй почти засунул. Еле отбили. Буйный был. Теперь Рая если по отделению и ходит, то только в сопровождении санитары или врача. Боится.

– Ожидаемо, – вздохнул я и вспомнил еще парочку постельцев. – Там еще один странный был...

– Тут все странные, Ваню. В дурке нормальных нет, – рассмехался Георгий. – Ты про Казака?

– Наверное. У него в трусах вобла умерла.

– Тогда точно Казак. У него каждый день там кто-то умирает. Вчера щука была, неделю назад акула. Писатель он вроде бы. На рыбалку с друзьями поехал, нажрался, белку поймал, да спьяну в пруд свалился, когда ночью пописать пошел. После того, как его вытащили, он орал, как ебнутый, и названия рыб всяких перечислял. А! Еще говорил, что его водяной утащить пытался, а потом в голове его поселился. Полгода тут уже висит. В душ хуй затащишь. Воды боится.

– А обожженный? – Георгий вздохнул и вытащил из пачки еще одну сигарету.

– Стасик. Давно тут. Вроде начал понемногу в себя приходить. Так-то пацан смирный и тихий. Не орет, не бузит, говном не кидается. Он в детстве с родителями в аварию попал. Машина перевернулась и в кювет улетела. Потом загорелась. Он вылезти сумел, а родаки его... ну, сгорели короче. Заживо. Когда его нашли, он возле машины сидел, качался и плакал. Долго по дуркам мотался, теперь вот у нас осел. Но Арина Андреевна свое дело знает.

– А обожженный почему? Он же вылез.

– Их пытался вытащить. Потом просто сидел и смотрел, как они горят, пока не нашли, – мрачно ответил грузин. – Ладно, Ваню. Хватит вопросов. Пошли пообедаем, пока время есть. У больных отдых сейчас. Да и под таблетками не хулиганят. А после обеда к косильщикам заскочим, ребят подменим, чтобы тоже покушали.

– Пошли, – вздохнул я. Перед глазами снова возник обожженный Станислав с отсутствующим взглядом. Теперь мне стал понятен вопрос Мякиша про крики. Он их до сих пор слышит. Слышит и не может забыть.

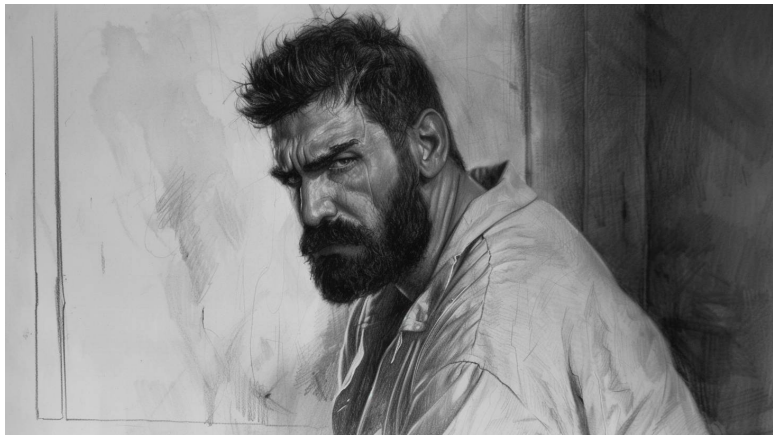
На обед в больничной столовой был куриный суп с лапшой и гороховое пюре с двумя раздутыми, похожими на пальцы трупа, сосисками. Однако я честно все съел, так как с непривычки дико проголодался. Георгий свою порцию умял так быстро, что я и моргнуть не успел. Остаток обеда он провел в задумчивом молчании, ковыряя в зубах спичкой.

После обеда мы поднялись обратно на четвертый этаж, только в этот раз Георгий повел меня вперед, к дверям в конце коридора, где находился еще один вход в экспертное отделение. Как я уже узнал, там проводились судебно-психиатрические экспертизы, когда врач выносил диагноз преступникам, а еще там обитали те, кто косил от армии. Причем, весь персонал был в курсе этого.

– Здравствуй, Артур, – улыбнулся Георгий, хватая за широкую ладонь хмурого здоровяка, стоящего в коридоре. Тот улыбнулся в ответ и посмотрел на меня. – Знакомься. Новенький.

– Ваня, – представился я.

– Артур, – ответил здоровяк. Он был еще выше Георгия, а шириной спины запросто мог посоперничать со Степой. – Приглядите за отделением? Я пожру пойду.

– Не вопрос, брат, – согласился грузин. Они снова обменялись рукопожатием и здороваясь, открыв дверь гранкой, скрылся в остром отделении. Георгий потянулся и сыто рыгнул. – К людям по-людски надо, Ваню. Сейчас мы Артурчику помогли, завтра он нас прикроет.

– Да я и не против, – хмыкнул я, осматривая отделение. Оно было меньше нашего и почти пустое. Те же болотно-зеленые стены, мутные желтые лампочки под потолком, запах мочи, говна и лекарств. Однако заселена была только одна палата, откуда слышался шакалий смех и редкие вскрики. Георгий подошел к дверному проему, по-хозяйски оглядел владения и махнул мне рукой, приглашая подойти.

– Вот они. Мастырщики, – презрительно бросил он, указывая пальцем в сторону шести человек, которые момен-

тально заткнулись и уставились на грузина. – Вот так лучше. А то разгалделись.

– Здарова, Жор, – манерно протянул один из них. Тучный, с плоским лицом, мокрыми губами и холодными, жесткими глазами. – Подгонишь сигаретку по-братски?

– Таксу знаешь. Две сотки, – коротко ответил Георгий, вытаскивая из кармана нераспечатанную пачку «Примы».

– Чо дорого-то так?

– Пиздеть будешь, вообще ничего не получишь, – огрызнулся грузин. – Плати или нахуй иди.

– Не зверей, Жор. Чо ты? – вклинился еще один. Крепкий, с бритой башкой, разукрашенной шрамами. – Уши без курева вянут. А Артур в залупу лезет.

– Если лезет, значит так надо, – отрезал Георгий. Он забрал у плосколицего деньги и бросил тому пачку под ноги.

– Петушок. Подними, – процедил тот, смотря на грузина снизу-вверх. С ближайшей койки тут же спрыгнул худенький парнишка с затравленным взглядом и, вжав голову в плечи, подбежал к плосколицему. Затем наклонился и поднял пачку. – Молодца. Свободен. А это кто? Новенький?

– Иван, – представился я. Плосколицый протянул мне руку, но я не сдвинулся с места. Георгий одобрительно заворчал.

– Убери краба, Пельмень. Не положено.

– Чо он молодой такой, Жор? – спросил бритоголовый. Он повертел в руках колоду карт и, бросив её на кровать,

подошел ближе. – А! От армейки косит?

– Косите здесь вы, – буркнул я. – А я прохожу альтернативную службу.

– Хуя ты дерзкий, паря, – мотнул головой бритоголовый и повернулся к Георгию. – Жор, чо он, а? Ты кто по жизни-то?

– Ебало на ноль, – рыкнул Георгий. Плосколицый усмехнулся, пожал плечами и вернулся на свое место, как и бритоголовый. Остальные настороженно смотрели на нас, но Георгию на них, судя по всему, было плевать. – Молодец. Ваню, я отолью пойду. Присмотри тут.

– Не вопрос, – кивнул я и, выйдя из палаты, оперся плечом на стену, напротив входа.

Однако стоило Георгию уйти, как плосколицый, переглянувшись с остальными, нагло улыбнулся и встал с кровати. Он вальяжно подошел к дверному проему и оценивающе посмотрел на меня. Затем распечатал пачку «Примы» и, вытащив папироску, прикусил её зубами.

– Слышь, дай жигу, – я не тронулся с места. Лишь слабо улыбнулся.

– Хуль ты лыбишься? – грубо спросил бритоголовый, подходя к своему другу. – Не слышал, чо тебе уважаемый человек сказал?

– Вернитесь в палату, – ответил я, делая шаг навстречу.

– А то чо? – дерзко спросил плосколицый. Он повернулся к бритоголовому и гоготнул. – Слышь, Баран. Фраер нынче

дерзкий пошел.

– Факт, – кивнул тот. – Ты чо с нами, как с чуханами последними говоришь? Типа санитар и все можно?

– Вернитесь в палату, – вздохнул я, сжимая кулаки. Страха не было. Я понимал, к чему это было затеяно. Обычная проверка. В новой школе было так. На улице было так. Глупо ожидать, что в дурке другие порядки.

– Слышь, я псих, – оскалился тот, кого плосколицый называл Бараном. – Я ж тя ебну наглухо. Ты за Барана на Блевотне у любого спроси.

– Оно и видно, – усмехнулся я. – Вернись в загон, Баран. Не искушай...

Баран неприятно улыбнулся, обнажая крупные, желтые зубы, и резко бросился на меня. Плосколицый, убрав пачку в карман, гоготнул. Но в отличие от Барана, в драку он лезть не спешил. Лишь уселся по-хозяйски на кровати, откуда принялся наблюдать за стычкой. Впрочем, я насчет них не волновался. Это не психи. Это обычные симулянты, которые прятались в стенах больницы от армии.

Я уклонился от первых двух ударов Барана, качнул корпусом и резко врезал коленом тому под дых. Бритоголовый жадно хапнул воздух и, шлепнувшись на пол, застонал. Плосколицый Пельмень скрежетнул зубами и мотнул головой. Правда ободряюще усмехнулся, когда Баран поднялся на ноги и, заревев, снова бросился на меня. Однако дальше

все пошло, как по учебнику. Я перехватил руку, наклонил корпус и бросил Барана через бедро. Тот глухо впечатался в пол, после чего заорал, когда я вывернул ему кисть.

– В палату. Живо, – коротко приказал я плосколицему. Тот бросил недовольный взгляд в сторону дверей в отделение и поспешно отступил. Обернувшись, я увидел покаты- вающихся со смеху Артура и Георгия.

– Полтос с тебя, брат, – со знанием дела сказал Георгий. Артур усмехнулся и кивнул. – Отпусти мальчика, Ваню.

– Да я тебя, сука, на лоскуты... – Баран, не договорив, улетел в палату, когда подошедший Артур без лишних церемоний влепил тому поджопник.

– Цыц, блядь, – рявкнул санитар. Униженный Баран под смешок плосколицего уполз на свою кровать. – Еще слово и повяжу.

– Ладно, Артур. Ну, подурачились. Чо такого? – вклинился плосколицый. На миг в его глазах мелькнула злоба, когда он посмотрел на меня. Мелькнула и пропала. Такие, как он мастерски умели скрывать эмоции.

– Ну, с почином тебя, Ваню, – усмехнулся грузин, подходя ко мне. Я ехидно на него посмотрел и сдержал ругательство. – Не зверей. Нам знать надо, какой ты. Работать вместе придется.

– И как? Узнал?

– Узнал, узнал, – похлопал меня по спине Артур. – Дальше время покажет. Слабые тут не задерживаются.

– Не сомневаюсь, – вздохнул я.

– Покурим? – лукаво улыбаясь, спросил Георгий.

– Покурим.

Но спокойно покурить нам не дали. Как только мы с Георгием зашли в туалет, где уже прохлаждались больные и на одном из толчков тужился пунцовый Вампир, из коридора послышался возмущенный вопль Гали. Георгий сориентировался быстро и, швырнув недокуренную сигарету в ведро, выскочил из туалета. За сигарету тут же началась возня среди тех, кто караулил окурки, но я не стал их разнимать и помчался за грузином. Выбежав, я оторопело уставился на безобразного, смуглого мужика, который вчера запустил в меня говном, смеющегося Георгия и бледную Галю, указывающую на больного трясущимся пальцем. И её возмущение было понятно.

– Он... – я не договорил и нахмурился, наблюдая за мужиком. Тот, не обращая ни на кого внимания, терзал свою жопу пальцем, а свободной рукой дергал за кривой член.

– Ромка Гузноёб, – со знанием дела ответил Георгий. Он подошел к мужику и влепил тому крепкого леща. Однако больной не стал орать. Вместо этого он зашипел похлеще Вампира и, вскочив на ноги, яростно начал драть. Георгию это не понравилось.

– Вано! Дуй сюда!

– Бидораз, э... – проворчал мужик, коверкая слова и с

ненавистью глядя на грузина. Георгий вытащил из кармана эластичный бинт и, заломив мужику руки, грамотно его спеленал. – Мам твой в жоп ебал, барадаты бидораз...

– Хватай его за ноги, – велел Георгий. Он поднатужился и поднял мужика за руки. Я схватился за ноги и чуть не лишился зуба, потому что больной неожиданно лягнул меня ногой. И тут меня перемякнуло. Я надавил на болевую точку под коленом, заставив мужика заорать. Затем, вцепившись в ноги побелевшими пальцами, поплелся за грузином, который тащил больного в палату.

Извивающегося мужика с трудом удалось уложить в кровать, но Георгия это не остановило. Он развязал больному руки, после чего связал его по новой, намертво приковав к кровати. Сбоку от нас ехидно рассмеялся пожилой мужчина, а следом заухал, словно филин, румяный толстячок. Через пару мгновений, Георгий, тяжело дыша, выпрямился и злобно выругался. Пунцовый больной, которому встать не удавалось, обложил грузина хуями.

– Гамно мой жрат будешь, бидораз, э... – прохрипел он. – Тебе выебу, мам твой выебу, пап твой выебу, и сабак твой выебу...

– Проклятье нашего отделения, мамой клянусь, – вздохнул Георгий и прикрикнул на остальных больных. – А ну свалили, блядь!

– Пошто вы так ругаетесь, Георгий Ираклиевич? – с укоризной спросил пожилой. Он выделялся среди остальных

больных тем, что был очень опрятен и вежлив. Но меня это не удивило. Арина Андреевна ясно дала понять, что верить никому нельзя. За личиной доброго деда запросто мог скрываться безжалостный и кровавый урод.

– Помолчи, Аристарх. Не до тебя сейчас, – отмахнулся Георгий. Он подобрал с пола выпавшую пачку сигарет и кивнул мне. – Пошли, Ваню. Покурим.

– Это же он в меня говном вчера бросил, – задумчиво констатировал я, смотря на Георгия. Тот в ответ кивнул и улыбнулся.

– Ромка, – коротко ответил он. – Или дрыгает, или в жопе пальцем ковыряется, или одновременно все. Слышал, что в Блевоцне цыганский район есть?

– Ага, – кивнул я. Старшаки моего двора частенько туда катались, а потом кисли в подвале на распотрошенном диване.

– Этот дебил весь поселок заебал. Конь его в детстве лягнул, вот крыша и протекла. Два года уже тут чалится. Привезли, когда он за матерью своей и сестрой с топором гонялся за то, что они ему в жопу не дают. Сам барон велел в дурку отвезти, а для цыган это неслыханно. За своих они любому лицу порежут. Осторожнее с ним. Сейчас ему аминазина въебут. Пока он под нейролептиками, милый человек. Лежит, матюками кроет, в жопе иногда пальцем ковыряется и пальцы свои нюхает. А как приступ, так хоть волком вой...

– Эта, дай сигаретку? – протянул скелет, обтянутый кожей, в котором с трудом угадывался живой человек. Георгий хмыкнул, вытащил пачку, оторвал фильтр и протянул сигарету больному. Тот расплылся в улыбке и, утонув в облаке дыма, раскашлялся.

– Дай-дай, – указал на него рукой Георгий. – Вечно сигареты клянчит. Лучше дать.

– А если не курит кто или сигареты кончились?

– Обоссать может, – беспечно ответил грузин, смотря на больного. – Им же сигареты только утром дают. По пять штук на брата. И это на весь день. А выдувают они их быстро. За час-два. Но есть и свои хитрости.

– Какие? – спросил я, не понимая, куда клонит Георгий. Тот обвел туалет внимательным взглядом, улыбнулся и

неожиданно гаркнул.

– Якобинский! Ко мне! – к грузину тут же подбежал знакомый мне пожилой мужчина, лежащий в палате с Ромкой Гузноёбом. Георгий вытащил из кармана пачку сигарет, и мужчина шумно сглотнул слюну. – Аристарх, курить хочешь?

– Конечно, Георгий Ираклиевич. Могли бы и не спрашивать, – мягко ответил тот, жадно смотря на пачку.

– Сигарету дам, если сортир вымоешь.

– Конечно, Георгий Ираклиевич.

– Где ведро знаешь? – кивок. – Приступай. Закончишь, получишь сигарету. И чтоб блестело все.

– Спасибо, Георгий Ираклиевич. Золотой вы человек, – улыбнулся Аристарх и выбежал из туалета. Георгий рассмеялся и похлопал меня по плечу.

– Если лень сортир драить, то за сигарету они тебе его так вылижут, что сиять будет, как у кота залупа. Ну и другие мелкие поручения тоже можно на них спихивать. Только проверенным доверяй. Ромка вместо уборки запросто по стенам говно размажет, а тебе потом пизды дадут и убирать заставят. Наши обычно Аристарха дергают. Можно еще Ветерка припречь. Или Пирожка.

– Спасибо за науку, – вздохнул я. Голова гудела от обилия событий и информации, но я понимал, что впереди еще ночь, а ночью, как сказал Георгий, все может случиться.

В пять часов Георгий отправил меня с Галей «выгули-

вать» больных. На свободную прогулку отпускали только смиренных и тех, кто был близок к выписке. Остальные паслись, как скот, в специальном загоне. Галя сразу сказала, что следить надо за тем, чтобы к воротам и забору никто не подходил. Но в этом, как оказалось, не было нужды. Больные разбрелись по внутреннему дворику. Кто-то группками, кто-то поодиночке. Тихо бормотал себе что-то под нос обожженный Стасик, заливисто смеялся, наблюдая за птицами в небе, Ветерок. Аристарх присел на лавочке и задумчиво смотрел вдаль. Кто знал, какие мысли витали в головах больных. Но мне и своих было достаточно.

– Вань, есть сигаретка? – спросила Галя, подходя ко мне. Я кивнул и вытащил пачку. Закурив, она вздохнула и зябко поежилась. Сегодня было холодно, к тому же снова прошел небольшой дождик. Галя улыбнулась, когда на голову ей шлепнулась большая, тяжелая капля. – Ну, как первый день?

– Непонятно, – честно ответил я. – Голова гудит с непривычки.

– Так у всех было. Быстро привыкаешь. Только некоторые события врезаются в память.

– Какие? – улыбнулся я. Галя в ответ рассмеялась.

– Первая самостоятельная вязка, к примеру. Или первая ночь. Первый выезд. Первое нападение...

– Нападение?

– Ага. Не хочу тебе врать. Тут всякое бывает. Видел у Жоры шрам на шее?

– Да, – кивнул я. Толстую шею грузина украшал уродливый шрам, идущий от уха к кадыку. Но расспрашивать Георгия я не решился.

– Он еще месяца отработать не успел, а нам буйного привезли. Ну и обшмонали его плохо. Жора тогда в палате дежурил. Отвлекся на секунду, а ему осколком стекла по шее. Как упустили, ума не приложу. Но повезло. Реакция у Жоры хорошая, – хитро улыбнулась Галя.

– А твое первое нападение? – тихо спросил я. Женщина вздохнула и дернула плечами.

– Червиченко, – ответила она. – Еще познакомишься. Частенько к нам заезжает. Здоровый лоб. Он на меня набросился и так сдавил, что ребро сломал. Ребята отбить успели. Его лупят, а он ржет и сдавлирует меня. Сильнее и сильнее... Семенов! Отошел от забора!

– Да, да, да... – пробормотал худой мужчина с огромной головой на тонкой шее. Галя поджала губы и повернулась ко мне.

– Ты не переживай. Первый раз, он у каждого бывает. И забыть его сложно.

Я не ответил. Слова тут были бы лишними.

В десять вечера, как Георгий и говорил, отделение отошло ко сну. Если так можно выразиться. До сна мне довелось поучаствовать в вечернем мытье больных. И если смирные делали все сами, то с буйными пришлось повозиться. Хорошо,

что рядом были Георгий, Артур и еще два рослых санитаря.

Ромку Гузноёба мыли вчетвером. Трое держали, а четвертый от души намыливал жилистое тело цыгана куском хозяйственного мыла. Ромка орал, дважды обосрался в процессе мытья, но, получив от разъяренного Артура кулаком по печени, затих и позволил завершить процедуру. Затем санитары развели всех по палатам. Буйных связали, смирные легли сами и наступило небольшое затишье. Правда оно изредка прерывалось криками или смехом, но я был рад и такому затишью.

Примерно в полночь Георгий и Артур отправились курить на улицу, оставив отделение на меня и Гаю. Галя, скрючившись на стуле у кабинета медсестры, дремала, а я, скучая, прогуливался по коридору и заглядывал в палаты, чтобы удостовериться, что все тихо. Однако, тихо не было. Из первой палаты, где лежали самые смирные, до меня донесся тихий плач.

Плакал обожженный Станислав. Плакал тихо и тоскливо. Он уткнулся в подушку лицом, подтянул к груди худые колени и мелко трясся. Когда я подошел и положил ему руку на плечо, парень вздрогнул, но увидев, что это я, расслабился и выдавил из себя улыбку.

– Все в порядке, Стас? – спросил я. Остальные больные лежали в кроватях и голоса не подавали.

– Я снова их слышу, – глухо ответил он, массируя тонкими

пальцами виски. – Мама кричит. Папа...

– Я скажу медсестре... – я не успел договорить, потому что парень неожиданно схватил меня за руку и взмолился.

– Не надо. Мне опять эти таблетки дадут. От них голова болит.

– Надо, Стас. Таков распорядок.

– Я знаю. Пожалуйста. Я усну. Правда-правда. И не буду плакать, – он выдавил из себя улыбку, но получилась она нервной и неживой. Вздохнув, я поджал губы и внимательно на него посмотрел.

– Знаешь, когда я не мог уснуть, я музыку слушал. Ты любишь музыку?

– Да.

– Какую?

– Мама мне Моцарта включала, – ответил он.

– Ожидаемо, – улыбнулся я. Затем чуть подумал и добавил. – Сейчас вернусь. Будет тебе музыка.

Вернувшись к Георгию я сказал, что мне надо сбегать в раздевалку и грузин, зевнув, отпустил меня. Но бежал я не за сигаретами, а за своим плеером. Понятно, что Станиславу фьюнерал-дум противопоказан, а вот какая-нибудь легкая готика, подборка которой всегда лежала у меня в рюкзаке, придется по вкусу.

– Делать тебе нехуй, Ваню. Раздолбает он твой плеер, – усмехнулся Георгий, когда я рассказал ему о своей идее. – С коней что возьмешь?

– Не раздолбает. Зато плачем мешать не будет, – пожал я плечами. Грузин махнул рукой, и я отправился в седьмую палату, где лежал Станислав. Паренек настороженно посмотрел на плеер, но позволил вставить в уши наушники, после чего вздрогнул, как только я нажал кнопку «Play». Дыхание

стало прерывистым, а глаза округлились. Улыбнувшись, я вспомнил себя, впервые услышавшего готик-рок. Станиславу я включил свеженький альбом от Lacrimas Profundere. В меру меланхоличный, ровный и спокойный. Георгий, стоящий в дверном проеме, ехидно хохотнул, но вмешиваться не стал. В его глазах я увидел интерес.

– Ты глянь, аж соплей растекся, – протянул он, смотря на обожженного паренька, на губах которого появилась улыбка. – А чего ты ему там включил?

– Готику, – ответил я.

– Что это? – нахмурился Георгий, услышав незнакомое название.

– Готик-рок. Жанр такой. Мрачноватый немного, но ритм спокойный.

– Не, не мое, – усмехнулся грузин и обвел рукой палату. – Ладно. Пусть слушает. Ты только забери, как заснет. А то эти уроды себе приберут или задушат кого наушниками, мамой клянусь, а нам потом жопы намылят.

Но плеер никто не украл. Я час провел у входа в палату с разрешения Георгия и смотрел, как Стас крепко спит. На губах улыбка, а дыхание ровное и спокойное. Плеер я, с разрешения Гали, спрятал в ящике стола у входа в отделение, после чего вернулся к работе.

Остаток ночи прошел без особых осложнений. Только ближе к утру проснулся Ромка Гузноёб и обосрал свою кровать. Пока санитары волокли его в душевую, я надел на ру-

ки резиновые перчатки, взял ведро с водой, «Саниту» и поплелся избавляться от диверсии, устроенной цыганом. Заменяв белье, я прослушал короткую лекцию от Георгия, который объяснил мне на примере Ромки, как вязать буйных больных, после чего с чистой совестью отправился в туалет покурить.

Усталость накатила неожиданно, и я понял, что вырублюсь моментально, как только голова коснется подушки. Но до кровати еще надо добраться, а смену сдавать мы будем только в восемь, через два часа.

– Доброе утро, Иван Алексеевич, – улыбнулся мне Аристарх, вплывая в туалет. Он спустил штаны и замер в позе оскорбленной чайки над дырой в полу. Натужно выпустив газы, Аристарх довольно крикнул, подтерся и ушел из туалета. Вздохнув, я мотнул головой, затушил окурок в банке и, убрав его в пачку, вышел в коридор.

Смену сдали быстро и после летучки у Кумы, как называл её Георгий, мы отправились переодеваться. Моя голова гудела, мысли путались, но была и радость. Сейчас я приду домой, отосплюсь и два дня буду свободен. Плевать, что потом все это снова повторится, плевать, что в меня опять швырнут говном и придется драить обосранные кровати. Сейчас моя смена закончилась.

– Ну, с первым днем, Ваню, – улыбнулся Георгий, когда мы вышли на улицу. Грузин поздоровался с Мякишем, который

явно опаздывал, и колко усмехнулся. – Как настроение?

– Устал, – честно признался я. – Спать хочется.

– Привыкнешь, – снова повторил он. – А пока лови момент. А, чуть не забыл. С тебя пузырь.

– В смысле? – нахмурился я. Георгий покачал головой, положил мне широкую ладонь на плечо и снова улыбнулся.

– Проставиться надо. Не поймут.

– А, вон ты про что, – фыркнул я. – Да без проблем. Как зарплату дадут, проставлюсь. Пока на мели.

– Ловлю на слове, дорогой, – кивнул Георгий и зевнул. – Эх, ладно. Погнали?

– Не, я покурю еще и пойду, – улыбнулся я, пожимая грудину руку. – Увидимся.

– Увидимся, Ваню.

Когда Георгий ушел, я достал плеер и поменял диск. Затем закурил, поправил за плечом рюкзак и поплелся к воротам. В наушниках мягко шелестел Evoken. Идеальная музыка после выматывающей смены, подчеркивающая особую прохладу пасмурного утра.

Георгий, Галя, Артур, Арина Андреевна... Для них все это было привычно. Они не задумывались над своими действиями, предпочитая работать на автомате. И если у меня выбора не было, у них он был. И что могло сподвигнуть этих людей на такую выматывающую работу. Какой-то особый садизм или же призвание? Что-то мне подсказывало, что я еще

узнаю ответы на эти вопросы.

Глава третья. Выезды.

Со временем работать стало проще. Но не легче. С каждым днем я все больше и больше втягивался в жизнь больницы. Отступила на второй план вонь, больные перестали так пугать, да и с остальными работниками я худо-бедно, но нашел общий язык. Многие относились ко мне, как к ребенку или младшему брату. Фыркали, если я давал Стасу послушать плеер в свою смену, не понимая, чего я так привязался к обожженному пареньку. Я не понимал их жесткости и даже жестокости по отношению к больным. Если Жору я еще мог понять, он все-таки давно здесь работал, пережил несколько нападений и чуть не умер от осколка стекла, то поведение остальных вызывало вопросы.

После каждой смены, перед тем, как лечь спать, я садился за стол и доставал тетрадку, в которую тщательно заносил все, что видел и слышал в психбольнице. Чистым листам в клетку я рассказывал все, что думаю. О больных, о коллегах, о мыслях, царящих в моей голове. Настоящий журналист обязан говорить правду. Эту правду я выливал на чистые страницы тетради. Только этот нехитрый ритуал позволял мне уснуть после смен. Словно я освобождался от негатива, которым была пропитана каждая смена в психбольнице. Иногда текст разбавляли рисунки. Чаще всего грубые, быстрые, но хватало и детализированных. Однако, чем долъ-

ше я работал, тем быстрее втягивался. То, что раньше казалось странным, превратилось в обыденность. Черную и равнодушную, как глаза заведующей отделением.

Во время очередного дежурства, между тремя и четырьмя часами ночи, Жора рассказал мне много интересного про Арину Андреевну, которую все за спиной звали Бегемотом. У неё был колоссальный опыт работы в психиатрии и с психически неуравновешенными больными. Она потеряла мужа в тридцать лет, чуть не спилась, но вылезла из ямы и нашла свое призвание. Степа говорил, что она долгое время работала в местах лишения свободы и это отразилось на её отношении к больным. Арина Андреевна была человеком жестоким, принципиальным и равнодушным к чужим проблемам. Этим объяснялось то, что санитары частенько распускали руки, даже если этого не требовалось. Артур мог запросто вклеить поджопник Пирожку, если ему казалось, что больной недостаточно усердно драит туалет. Жора люто ненавидел Ромку Гузноёба и ему подобных, не стесняясь награждать их тумаками. А кулаки у грузина были тяжелыми. Однажды он так сильно ударил Ветерка, что тот отлетел к стене и ударился головой об дверной косяк. Повезло, что хоть голову не разбил. Ударил за то, что паренек всего-то испортил воздух рядом с ним, пока Жора пил чай. Арина Андреевна на это внимания не обращала. Я видел, как она разговаривала с больными. Её слова были скупыми, злобными и циничными. Ей было плевать на больных. На всё ей было плевать.

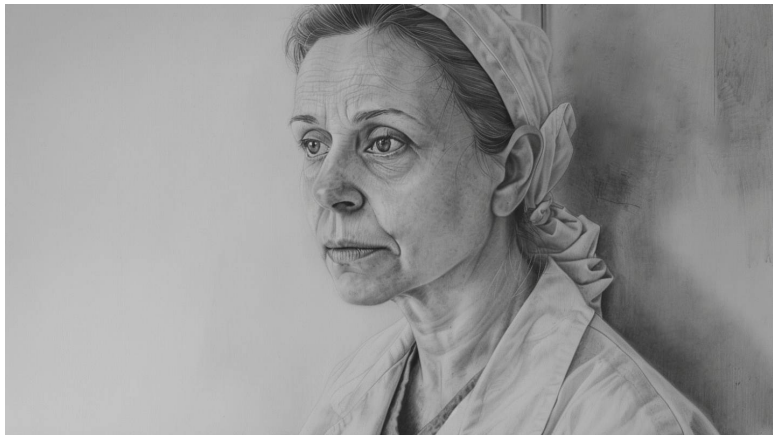
Только двое относились к больным, как к больным, а не к юродивым. Крячко и Рая. И если Рая была идейной, как говорил Жора, то Мякиш просто был мягким и неконфликтным человеком, которому действительно было не плевать на больных и их проблемы. Он невозмутимо выслушивал потоки словесного поноса от Ромки Гузноёба и так же спокойно выслушивал Казака, у которого в трусах умерла очередная рыба. Мякиш не видел разницы между больными и всем пытался помочь в меру своих сил.

– Алкаш он, но тихий, – сказал мне как-то раз Жора, когда мы курили в туалете. – Иногда в запой уходит, но Арина его терпит. Жена у него, Ваню, это пиздец. Хинкали в два центнера весом. Он тут как-то раз на работе задержался, так она за ним пришла и такой скандал устроила. Мякиша по стене размазало, мамой клянусь. Красный был, как Ромкина жопа после укола. Нормальный мужик в морду бы дал за такое, а этот... сюсюкаться начал. Пили с ним как-то. Он и рассказал, что давно бы ушел, да две дочки у них. Любит их без памяти. Вот и терпит суку эту. Но я знаю, что пиздит. Никуда бы он не ушел. Мякиш, одним словом.

Крячко был классическим каблуком, который топил свою жизнь в водке. Иногда водку заменял спирт, который предпочитали пить санитары, а Мякиш, выгнанный из дома после очередного скандала, не мог отказаться. Напившись, он всегда начинал плакаться, звонил жене из кабинета медсестры и

снова пил, пока не засыпал. Утром он совершал привычный обход. Тихий, воняющий перегаром и помятый, словно по нему табун коней промчался. Жора относился к нему хорошо, а вот остальные санитары брезгливо морщились, когда Мякиш протягивал им руку на утреннем обходе. Словно и не человек это, а склизкая мокрица, недостойная внимания.

Галя была чем-то похожа на него. Тихая, равнодушная, некрасивая. Она предпочитала следить за спокойными больными, да её бы никто и не поставил к буйным. Казалось, что даже небольшой порыв ветра может уронить эту худенькую женщину. Галя бледной тенью скользила по отделению, выполняла ровно то, что от нее требовалось, и так же тихо уходила, когда смена заканчивалась. Но была у Гали одна особенность, о которой я узнал, само собой, от Жоры.

– Безотказная, – облизнул пухлые губы грузин и в его зеленых глазах мелькнула похоть. – Если хуй стоит, только свистни. Галке похуй, где и как. Она готова и в кладовке, и в раздевалке, и в сортире. Пока ты кончишь, она кончит раз десять, да и то ей мало будет.

– Разве у нее мужа нет? – нахмурился я.

– Есть. Да и то, не муж это, а игрушка, – отмахнулся Георгий. – Он на севере себе ноги отморозил, ну и яйца до кучи. Теперь дома сидит и водку глушит. А у Галки сын-лоботряс, которого тоже тянуть надо. Вот и вкалывает на трех работах, чтобы долбоебов этих хоть чем-то обеспечить. Сынишку её я видел. Косил он тут после школы. Посмотришь на него и сразу понятно, кто Галку объедает. Жирный, наглый, Артур ему пизды дал в первый же день, когда он сигарет себе по-

требовал. Да не «Приму» ему, блядь, а с фильтром.

– Разве это проблема для своих?

– Не, дорогой. Никаких проблем. Но ты по-человечески попроси. А он грудь надул, зенки вылупил и на Артура по-пёр. Орет мол: «Слышь, бля, сиг мне притарань». А Артурчик ему леща прописал. Думаешь, охладил? Куда там. Жирный юшку утер, кулаки сжал и давай на Артура гнать: «Ты за Кота у любого спроси. Да я тебя то, да я тебя сё»... После вязки угомонился. Но нервы потрепал, пока не выписали. Спросили, конечно, за Кота этого. Так, мелочь. Шантрапа районная. Галка рассказывала, что как муж её с зоны откинулся, сын к нему прилип, как репей к жопе. Так и сидит с папашей дома, шабашками мутными промышляя. А Галка пашет, как проклятая.

Однажды я разговорился с Галей на прогулке больных и спросил про её семью. Она скрывать ничего не стала, только тихонько вздохнула.

– Тут секретов никаких нет, Вань. Лучше уж я расскажу, чем другие, – ответила она на мой вопрос и закурила сигарету. – За Лешку я вышла сразу после школы. Любила его безумно, а он после свадьбы изменился. Влез в мутную историю, вынес какую-то квартиру, а дружки все на него спихнули. Я сыном беременна, а его этапом на зону. Тяжело было. Девяностые, работы нет, дома шаром покати. Ребенок еще... Я же музыкальную школу закончила...

– Галь, если тебе тяжело, давай сменим тему, – неловко вставил я, когда она неожиданно замолчала. Но Галя мотнула головой и нервно улыбнулась.

– Нормально все. Не переживай. Сейчас-то что убивать-ся... Лешка, как вернулся, дома и осел. Поначалу хорошо все было. С сыном время проводил, а потом, как подменили, – тихо сказала Галя. – Котенок мой все ему в рот смотрел. Пока матерым котом не стал. Она даже на имя свое отзываться перестал, представляешь? Телефон звонит, я трубку снимаю, а там голос прокуренный: «Кота позови». Мои слова для него перестали существовать. Все отцу в рот заглядывал, а тот и рад. Я поначалу тоже радовалась, когда Лешка работу на севере нашел. Деньги обещал большие. Сказал, что квартиру поменяем, в центре жить будем. А потом все псу под хвост покатилося. Семенов! Хватит жрать землю!

– Да, да, да...

– Тогда он ноги отморозил? Несчастный случай?

– Куда там, – усмехнулась Галя, но смех вышел грустным. – Несчастный... Водку они глушили в конце смены. Лешка перепил, на улицу отлить пошел и в сугроб свалился. Когда его нашли, он себе все отморозил. С работы за пьянку погнали ссаннкими тряпками, еще и ноги отрезали. Ну а как вернулся, сам не свой стал. Знаю, что ты скажешь. Жора тоже спрашивал, чего я не уйду. А куда я уйду? Лешка иногда подъедет на коляске своей и прощения просит за то, что руку вчера поднял...

Она не договорила. Снова мотнула головой, словно отгоняя дурацкие мысли, и замолчала. Я не стал настаивать. Вдохнул, закурил сигарету и поплелся отгонять Семенова от забора.

У каждого в больнице была своя история, но не каждый был готов поделиться ей. Кто-то, как Жора отшучивался. Кто-то, как Артур попросту посылал нахуй при первых же намеках на вопрос. А кто-то молчал, как Милованова или Мякиш. Но истории были. У врачей, у медсестер, у санитаров и у больных. Просто кому-то нужно время, чтобы поделиться ими с другим человеком, а кому-то особый случай.

Я отработал месяц, но до сих пор продолжал ходить с сопровождающим. Чаще всего это был Георгий или Степа. Реже другие санитары и совсем уж редко Артур. Артуру на меня чаще всего было плевать. Он коротко отдавал указания и погружался в привычное, угрюмое молчание, прерываемое лишь злобным криком, если кто-то из больных начинал шалить. С такими Артур не церемонился. Ветерка, расказавшегося из-за обеда, он привязал к кровати и оставил связанным на шесть часов. Если паренек начинал кричать, Артур подходил и отвешивал лежащему подзатыльник. Остальные больные в этот момент сидели тихо, как мышки, на своих кроватях. Я тоже молчал, и не гордился этим. Однажды, правда, пошел наперекор собственным правилам и вступился за одного из больных, которого прессовал Артур.

Армянин отвел меня в туалет, выгнал оттуда срущего Аристарха и вдавил меня в грязную стену.

– Еще раз пасть на меня откроешь, я тебе кадык вырву, нахуй, – прошипел он. – Вот отработаешь здесь с мое, тогда и будешь права качать. Понял?

– Понял, – еле слышно ответил я. Жесткое предплечье Артура передавило мне шею так, что говорить удавалось с трудом. После того, как он отпустил меня, горло еще долго саднило.

– Чего с Артуром не поделили? – спросил меня Георгий, когда мы пересеклись в курилке на улице.

– Он Пирожка так связал, что у него руки и ноги посинели, – буркнул я, потирая шею. – Я хотел попросить чуть ослабить, а Артуру это не понравилось.

– Он с буйными чаще всего работает, Ваню. А там слабым не место. Да и не принято молодняку голос подавать, пока опыта не наберутся. Тебе до Пирожка какое дело? Он бузить начал, за это пизды получил.

– Жор, но он же, как ребенок, – вздохнул я. – Отчет себе не отдает. И он не кидался говном. Просто ведро с грязной водой в туалете перевернул случайно. Артур его ударил и Пирожок заплакал. Вот и все.

– Не лезь, Ваню, – поморщился грузин. – Занимайся своими делами и в чужие не лезь. Да, дураки, что дети. Но и Пирожка может так перемякнуть, что он кого-нибудь на тот свет отправит. Сам скоро убедишься, как бывает.

Георгий не обманул. На следующую смену случился мой первый выезд и грузин, ожидаемо, взял меня с собой.

– Кого вяжем, Илья Степаныч? – буднично спросил он, когда из главного входа вышел Мякиш и сопровождавшая его Рая.

– На Хлопанцева вызов поступил, – пробормотал Мякиш, хлопая себя по карманам.

– О, – повеселел Георгий и повернулся ко мне. – Вот и крещение, Ваню.

– Пошли, – поторопил нас Крячко. Грузин стрельнул окурком в сторону урны и подмигнул Рае. Девушка покраснела, опустила глаза и побежала за Мякишем.

– Пошли, – вздохнул я.

Ехать пришлось на старенькой «буханке». По бокам тянулась красная линия и надпись «скорая помощь». Водитель, незнакомый мне мужик, пропахший сигаретами, кивнул Мякишу, улыбнулся Рае и пожал руку Жоры. Меня он внимательно осмотрел, прищурился, как и все обитатели психбольницы, после чего тоже протянул широкую, шершавую ладонь.

– Кирилл, – представился он.

– Ваня, – тихо ответил я, вызвав у мужика улыбку. – Рад знакомству.

– Кирыч, водила наш, – пояснил Георгий, открывая дверь «буханки» и пропуская Раю. Он кивнул мне и широко оскла-

бился. — Давай, Ваню. Полежай в карету.

Внутри машины пахло машинным маслом, лекарствами, сигаретами и, еле уловимо, мочой. Мякиш занял место рядом с водителем, Рая уселась на небольшое сиденье спиной к Кирычу, а мы с Георгием синхронно опустили на жесткую скамью вдоль левого борта. Вторая скамья, оснащенная металлической трубой, была покрыта странными пятнами и трещинами. Скоро мне предстояло узнать, почему.

— Психкарета наша, — усмехнулся Георгий, смотря на порозовевшую Раю. — Иногда нормальную машину дают, но чаще всего на этой ездим, да, солнышко?

— Да, — тихо ответила Рая, не отрывая взгляда от папки, которую держала в руках.

— А Хлопанцев этот? Он опасный? — осторожно спросил я. Грузин гоготнул и кивнул в ответ.

— Все они опасные, когда шизу ловят. Так, смотри, Ваню. Я первым захожу в квартиру. Ты за мной. Понял?

— Да.

— По сторонам смотри. Любят они засаду устраивать. Заходишь, а тебе раз! И по спине арматурой. Артура однажды так приложили, что кровью ссал две недели. Могут с ножом быть, могут со стеклом. Главное повалить и укол сделать. Потом вяжем и в машину.

— Бинтами вяжем?

— Не. Этим, — ехидно улыбнулся Георгий, вытаскивая из кармана наручники. — Дядька подарил. Илья Степаныч по-

началу против был, но как его буйный чуть не задушил, передумал. Есть такие, что бинты рвут, словно бумагу, мамой клянусь. Но в основном все нормально проходит.

– Посмотрим, – вздохнул я. Ладони вспотели от волнения, и я их то и дело вытирал об штаны. Рая, заметив это, улыбнулась, но снова встретившись со мной взглядом смущено хмыкнула и уткнулась в папку.

Ехали мы недолго, по ощущениям примерно полчаса. Машина, скрипнув тормозами, остановилась возле темной хрущевки. Фонарей во дворе было мало, да и тот свет, который они давали, был тусклым и холодным. Он освещал лишь небольшие пяточки рядом с собой, а вот лавочки и вход в подъезды оставались еле видимыми.

У одного из подъездов слышался громкий смех, сменившийся подозрительным молчанием, когда мы выбрались из машины. В воздухе пахло сигаретами, пивом и носками, как всегда пахли сухарики «Клинские» со вкусом сыра. Подойдя ближе к подъезду, я увидел компанию длинноволосых парней, рядом с которыми стояли две девушки.

– О, за Аркашей явились, – хохотнул один из них. На черной майке еле угадывается принт с альбома Nile. – Сейчас пеленать будут. А я думал, что Дьяк брешет, когда о нем рассказывал.

– Когда-нибудь и тебя заберут, Соленый, – проворчала крепкая девушка с короткой стрижкой.

– Ирка дело говорит, – усмехнулся второй, чуть ниже ростом и посимпатичнее. – То соседей избиваешь, то до бомжей доебываешься, чо они слушают...

– Ребят. Пятьдесят восьмая квартира тут? – уточнил Мякиш.

– Тут, – кивнула короткостриженная. – Четвертый этаж. Битый час орут уже.

– Спасибо, – мягко ответил Крячко и, махнув нам, вошел в подъезд. Закрывая дверь, я услышал голос того, кого называли Соленым.

– Видал, какой амбал? Я б с ним сошелся раз на раз... – тут же грянул общий смех.

Поднявшись на четвертый этаж, Георгий трижды бухнул кулаком по деревянной двери. Из квартиры тут же донесся чей-то рык и металлический грохот. Закричала женщина. Но не жалобно, а злобно. Я переглянулся с удивленной Раей и поджал губы.

– Заебал ты меня! Когда ты уже успокоишься?

– Когда враги мои падут! – ответил ей могучий, низкий голос. В квартире снова что-то упало, а потом послышался звук лязгающего в замке ключа. Георгий паскудно улыбнулся и пихнул дверь ладонью.

– Вызывали? – ворчливо спросил он. Стоящая в коридоре пожилая женщина кивнула и потеряла лиловый синяк под глазом. Сам глаз заплыл и не открывался. Георгий оттеснил

её в сторону и поманил меня за собой.

В квартире удушливо пахло сигаретами и гороховым супом. Пожелтевшие обои кое-где свисали лохмотьями, в углу коридора валялась стопка грязных, отсыревших газет. Но Георгий, не обратив на это внимания, осторожно приблизился ко входу в гостиную и вытащил из кармана наручники.

– Аркадий! – участливо позвал Мякиш больного. – Ты снова прячешься?

– Воины не прячутся. Они смеются в лицо опасности, – прогрохотал из гостиной мрачный голос.

– Аркадий. Ты же меня знаешь, да?

– Знаю. Ты славный муж, хоть и не лишенный лицемерия.

– Тогда давай обойдемся без сюрпризов? – мягко спросил врач. Но я видел по глазам, что он, хоть и трусит, но собран и готов к любому исходу.

– Мышцы мои одрябли от недостатка практики, а зубы хотят вкусить печени. Давай же скорее подеремся! – я выглянул из-за плеча Георгия и удивленно приоткрыл рот.

В гостиной, на старом кресле с потрескавшимися лакированными боками сидел могучий, мускулистый мужчина. Он был совершенно голым, а мышцами запросто мог посоперничать с любым атлетом золотой эры бодибилдинга. Широкая грудь, блестящая от пота, мерно вздымалась в такт дыханию. Здоровенный член в полной боеготовности угрожающе покачивается. Стекланные глаза мужчины равнодушно

смотрят на Георгия.

– Аркаша. Иди с ними. Ну, хватит. Ну, правда, заебал уже, – простонала женщина, однако Аркадия это не тронуло.

– Уйди, старуха, покуда я не завязал твои увядшие перси узлом на спине... – мужчина неожиданно запнулся, увидев Раю. Он повернулся в сторону Мякиша и довольно улыбнулся. – Привел ты мне рабыню? Что примет мое семя, понесет и родит мне сына, что покроет мой род неувядаемой славой.

– Это не рабыня, Аркадий, а медсестра. Зачем ты ударил маму? – спросил его Илья Степанович. Аркадий скривился.

– Старуха путалась под ногами, когда я хотел вкусить вражьей крови. Оставь рабыню и ступай.

– Аркадий... – снова попытался Мякиш, но мужчина бухнул кулаком по подлокотнику.

– Имя это мне чуждо. Лишь одно есть у меня. Ахиллес, погибель Трои. Таким именем нарекли меня боги.

– *Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низрину
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным*

Птицам окрестным и псам, – Мякиш приоткрыл рот и удивленно посмотрел на меня. Как и Георгий с Раей. Однако Аркадий неожиданно улыбнулся и встал в полный рост.

– Истину ты говоришь, отрок, – кивнул он и гневно посмотрел на Илью Степановича. – Кто он таков?

– Иван. Мы хотим помочь, Ар... Ахиллес.

– У, сука! – рыкнул мужчина, заставив Раю вздрогнуть. Но я сдержал дрожь и с вызовом посмотрел на него. – Что ж. Телом ты хлипкок...

– Аркадий, – продолжил вкрадчиво Мякиш, метнув в мою сторону раздраженный взгляд, явно говорящий о том, что мне следует заткнуться. – Ты же знаешь, что дальше будет.

– Опять повергнет меня черный волк?

– Боюсь, что так, – ответил врач, а в глазах грузина блеснул дьявольский огонек. К моему удивлению, Аркадий вздохнул и неловко переступил с ноги на ногу. Затем подошел к Георгию и протянул руки. Наручники защелкнулись

на запястьях с сухим лязгом. Женщина, не обращая внимания на синяк под глазом и Мякиша, который записывал что-то в тетрадь, обернула вокруг бедер Аркадия полотенце. Причем сделала это так ловко, словно только этим и занималась всю свою жизнь.

Аркадий позволил Рае сделать себе укол, покорно забрался в машину и тяжело опустился на скамью. Когда погрузились и все остальные, Кирыч завел двигатель, и мы тронулись в обратный путь. Я кожей чувствовал недовольство Мякиша, но он скоро вернулся к привычному разглядыванию пейзажа за окном. Аркадий же, никого не смущаясь, буравил меня тяжелым взглядом, словно старался что-то вспомнить.

– Напоминаешь ты мне Па... Патрокла, – запнувшись, озвучил он. Георгий хмыкнул в ответ и покачал головой. – Телом слаб, но дух твой силен.

– Эм... спасибо, – неловко улыбнулся я. Аркадий в ответ тоже улыбнулся и наклонился ко мне. Я заметил, как рядом напрягся Георгий, готовый в любую секунду сорваться и скрутить здоровяка. Но нападать Аркадий не спешил. Он задумчиво посмотрел на наручники и в глазах блеснуло веселье.

– Ты не веришь, малодушный, – буркнул Аркадий. Затем усмехнулся и напряг мышцы. Я вздрогнул, когда звенья наручников лопнули и они посыпались на пол, словно выбитые зубы. – Узри силу Ахиллесову.

– Э! – рыкнул Георгий, но я поспешил вмешаться, заме-

тив, как побледнела Рая.

– Аркадий. Ахиллес же герой.

– Герой, – надул грудь тот и почесал толстым пальцем нос.

– А герои слабых не обижают. Так ведь? – уточнил я. Мужчина прищурился и склонил голову, но в итоге кивнул, пусть и нехотя. – Так давай спокойно доедем до места?

– Ладно, – ответил тот и, положив ладони на колени, вздохнул. Георгий покачал головой, но ничего не сказал, заметив, что больной успокоился.

– Зря ты, Вано, полез, – буркнул он, когда мы вышли на улицу, чтобы покурить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.